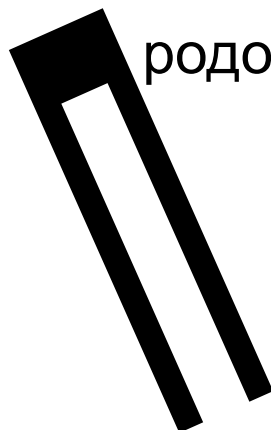

риложение -

родолжение

ЧАСТЬ I

ро наших

редков

**НАШИ
БАБУШКИ**

И МЫ -

- ВАШИ БАБУШКИ

„Мы снова обнимем
друг друга“...

Дорогой Гарик!

Мы было решили, что с войной покончили, заодно и с этими публикациями. Приготовили только альбом для семейного пользования с рисунками и стихами бабушки Валентины Витальевны (Герн-Поповой, так она всегда подписывалась). Сами при этом впали в детство и немыслимую сентиментальность... хорошо, память плохая. Совершенно случайно обнаружился этот текст, никто его раньше не видел. Одна дата уже вызывает интерес. А тут ещё поехали к полковнику Герну возвращать с благодарностью фото из его архива, которые помещены в книге про Гернов и Поповых, и книгу ему напечатали, он очень радовался. Само собой получилось интервью. Пожалуй, оно имеет общественную значимость.

РАССКАЗ ПОЛКОВНИКА ГЕРНА

Сначала, между прочим, мы его спросили, когда он в детстве жил у отца на Петровской селекстанции. Это было в 5 и 6 классе. Учиться он ходил в село, в Даниловку, и вспоминал школу с восторгом. Ему там нравилось! Какие были учителя! Он всё понимал, математику, биологию, он полюбил русскую литературу! По сравнению с замшелыми учителями в Лосинке это были выдающиеся педагоги. Наверно, беглая интеллигенция окопалась.

Во время войны он оказался в Кронштадте перед самым началом блокады. Потом их отправили в Баку в мореходное училище. Вот про это он нам и рассказал 21 марта 2011 года. Мы приезжали вернуть ему семейные фотографии. Подарили отпечатанную книгу «Герны и Поповы», для которой их брали. Как же мы не близки всё же, если ни разу не слышали эту историю!

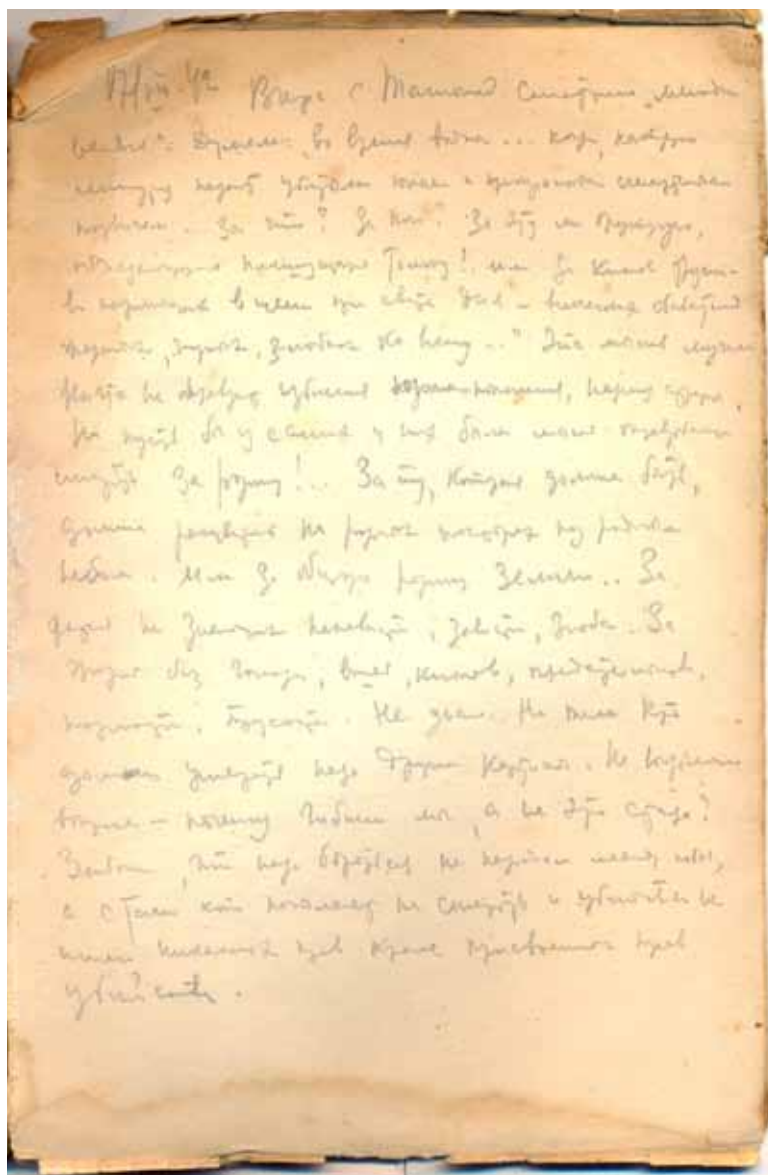
Учились они, как положено, ходили на парусной шхуне, бегали по вантам, ставили и убирали паруса, Юра был при самом верхнем парусе грот мачты, высота у неё 18 м, при крене в 30° - впечатляет. На этой шхуне ходили они в Персию, в порты Бендер-шах, Ново-шехер и Пехлеви (Энзели). Первая Юрина загранка.

Начальником училища был майор Челидзе. Юра просто вдохновился, рассказывая. «Красавец был! Я раньше строевую ненавидел, топ-топ-топ бессмысленно, а он научил нас ходить красиво, как он сам! Ходить гордо! Мы гордились собой!» - и сам вдруг стал удивительно красивый, гордый и молодой. А тогда-то он был какой... и положила на него глаз баталерка, кладовщица, толстая баба такая. Он сперва удивлялся, что у него всегда бельё, простыни лучше чем у всех. Ну ладно, ему-то что. А у лейтенанта его была красавица в городе, и этот лейтенант в служебное время отправился её навестить, и Юрку взял с собой. В самоволку. Приходят, там угощение, гости, и та самая баталерка. Танцы. Он на неё – ноль внимания. А она и донесла... *(продолжение следует)*

17/VII – 42 Вчера с
Танюшей смотрели
«Мелодии вальса».
Думала: во время войны...
когда каждую минуту
падают убитыми юные и
прекрасные(?) подвигом...
За что? За эту орущую,
объедающуюся, пляшущую

Вот эта Танюша.
Герн-Шарова Татьяна
Алексеевна. Сейчас ей 90
или скоро будет. .

толпу? Или за клопов трусливо ныряющих в щели при свете дня – всяческих обывателей жадных глупых, злобных ко всему... Эта мысль мучила. Ничто не оправдывает избиения юного поколения, надежды стран. Но пусть бы у самих у них была мысль оправдывающая смерть за родину!.. За ту, которая должна быть, должна расцвести на родных просторах под родным небом. Мы за общую родину Землю... за детей не знающих ненависти, зависти, злобы. За жизнь без голода, вшей, клопов, предательств, подлости, трусости. Не знаю. Но тем кто должен умереть надо другие картины. Не вызывающие вопроса – почему гибнем мы, а не это стадо? Забыли, что надо бороться не народам между собой, а с теми, кто посылает на смерть и убийства не имея никаких прав кроме присвоенного права убийства.

Написано карандашом на 3 странице обложки сборника Брюсова
«Неизданные стихи» 1928 года.

(Ну и поэт! Феномен! Ни одной живой строки!).

«Мелодии вальса» - немецкий музыкальный фильм 1938 года. Легко
представить. Интересно, до войны они его наверно не видели, но он явно был
в прокате, откуда же взялся? А после войны таких много показывали.

(Продолжение). Начальник вызывает мичмана Герна к себе. «Мне сообщают, что такого-то числа вечером вы были там-то с лейтенантом...». И всё, что там было, и о чём говорили. «Это правда?»

Юрка говорит: «Про себя я могу подтвердить, всё правда, я там был. А ни про кого другого сказать не могу». «Подумайте. Я должен буду отправить вас на гауптвахту и вызвать следователя». Можно не объяснять. Война, 43 год. Штрафбат – и под Керчь, а там как попал, так и погиб. Без вариантов. «Я не могу сказать ничего другого. Могу говорить только о себе». Юру отправили на гауптвахту на 10 дней, дожидаться следователя. Было там всем очень весело, их старались накормить получше, пекли для них что-то вкусное. Но впереди – Керчь. Десять дней прошли, следователь не приехал. Не вызывали, значит. А лейтенант куда-то сразу исчез. «Так он мне спас жизнь, майор Челидзе. Оценил, значит, что я никого не выдал. Потом меня в академии навестил». Юру перевели скоро в Ленинград, в военно-морскую академию. Как он потом оказался в ин-те военных переводчиков, надо ещё раз уточнить.

Сначала в институт поступила Татьяна, вот она здесь, вторая слева. Кажется, на трудфронте. Видимо, ещё до войны она поступила в какой-то энергетический или машиностроительный, а влиятельный поклонник уговорил её перевестись (или заново поступить) в этот ин-т иностранных языков. Он был жутко блатной, но в конце войны этот же Шангин помог и Юре. Правда, Ю.Г. был мастером спорта, лыжником, а это всегда

любили. Татьяна окончила ин-т в конце войны, успела поработать в Австрии, получила направление (по специальности - преподаватель) в Суворовское училище на Кавказ, в городок с названием Дзауджикау. Война с красавицей обошлась сурово, все поклонники и любимый человек погибли. Хотя старшекласники маршировали перед ней с песней “первой роте во сне ты сегодня приснилась, а четвёртая рота заснуть не смогла”, педагогическая работа её не увлекла, она вернулась в Москву и устроилась в ТАСС, не без помощи, видимо, человека, который ей организовал работу в Италии, а потом на ней женился. Михаил Сергеевич Шаров, средней руки дипломат, его вершина - культурный атташе в Бельгии (все знают, какой культурой они занимались), зато во время войны он состоял в качестве журналиста при американских частях в Африке. Мы потом щеголяли в его гимнастёрках. Он был маленький, с крошечными мягкими ручками, похож на Примакова, т.е. на хомяка. Он якобы оставил интересные записки, но тётка грозит всё сжечь, и свои тоже, потому что “теперь никому не нужно”. Правды там немного, наверно, а может и есть. Они в Марокко работали, когда там происходило освобождение.

А с Юрой получилось гораздо занятней. У него-то был диплом синхрониста, характеристики блестящие, на него очередь претендентов стояла. А он смущался: надо заполнять анкету, а там - в каких партиях состояли родители? Он советовался с Татьяной. Она говорила - пиши: не знаю. Можешь ведь ты не знать? Отец нас оставил, когда тебе было 6 лет. А он, как "Свен, не умеющий лгать", так и написал: "в партии эсеров". Кадровик у него анкету из-под пера вырвал и помчался по коридору с криком: "Герн - эсер!" И поехал Юра в Казань, в суворовское училище. Работал там 13 лет.

"В 1964 году я стал выездным и был командирован 10-м Управлением Генштаба в Алжир для руководства работой военных переводчиков..." и т.д. Примерно тогда же и Шаровы были в Марокко. А дальше Ю.А. вернулся в ВИИЯ и в Москву, и началась его заграничная карьера. И партийная. Когда же он в Шербуре был, с эскадрой, переводчиком при адмирале? Там была какая-то конспиративная история, он был не в своём чине и в мундире ВМФ, а на другой конференции уже в своём - кто-то удивлялся. Да, ещё у императора Бокасы переводил на приёме, со строгой инструкцией: на фуршете ничего мясного не есть.

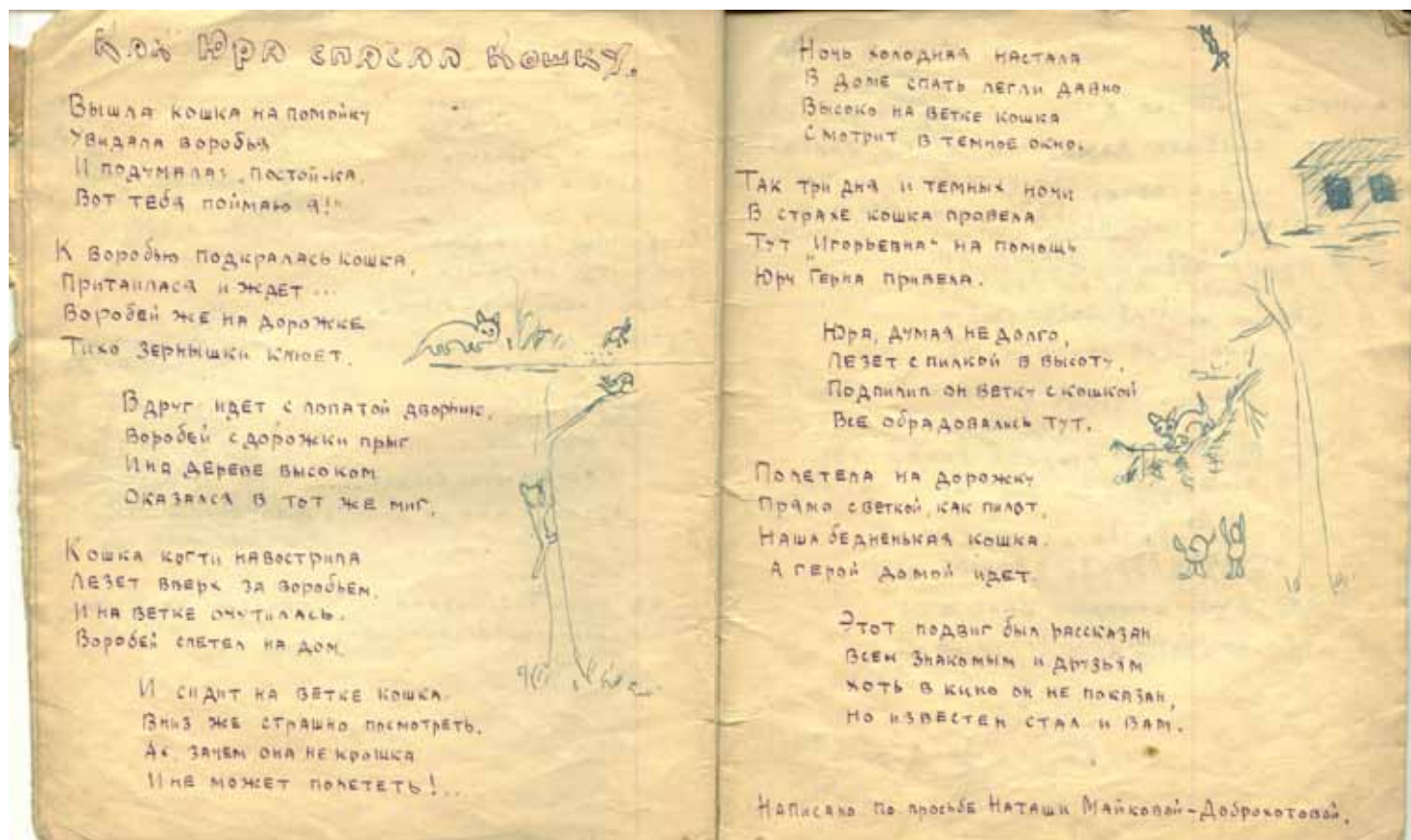
Год 52, выпускник, лейтенант. Мы опять вышли за рамки! Но только чтобы заметить: надо же, такая в сущности небольшая семья, и целых два шпиона!

Кажется, это последняя фотография бабушки у нас, на Маркса-Энгельса. Она заболела, и Юра увез её в Казань. Её лечил лучший хирург Казани, Р.К. Харитонов - из шанхайцев, их в Москву не пускали, а в Казани была целая колония, они дружили с Юрой и Вероникой. А это, кажется, вообще последняя фотография, бабушка последний раз выходит с Юриной женой Вероникой. Она умерла в 1959 году.

Но полковник Герн и в детстве был орёл! Вот отчёт об одном из его подвигов, написанный В.В.Герн. Был он при этом ещё и хулиган, якшался со школьными бандитами, как рассказывал - они очень хотели его в свою компанию, но здоровое нутро сказало, и отбиться потом сумел (в глаз).

Про Юру есть и другие стихи:

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Берегите мои нервы –
Я по лыжам вышел первым.
Пусть я дома скорпион,
Зато по лыжам чемпион.

Шли четыре мушкетера
Без беретов и без шпаг,
Разгоняя громким спором
.....собак.

.....
Беззаботный дАртаньян:
«Хорошо б перед зачетом
Пропустить один стакан!»

(Атос говорит что-то добродетельное)

И Портос, всегда готовый
Для друзей себя забыть
Повернулся за Атосом
Математику зубрить.

Улыбнулся будто в шутку
Недоступный Арамис:
Он, идя, считал минутки
До свиданья с милой мисс.

ИНСТИТУТ.

Во всем перегрузки:
в любви и в французском,
и дома и в спорте
и с ним вы не спорьте.

Продолжает Таня.

Мы остановились на том, что Ирина Генриховна Доброхотова-Майкова пошла работать во Всесоюзный Институт Юридических Наук (ВИЮН) в 1944 году. Была она секретарем Гернета, он был слепой и писал про царские тюрьмы. В октябре 1948 г. ее уволили по п. "а" ст. 47 КЗОТ из-за ее происхождения. Через некоторое время ее звали обратно и извинялись, но она не вернулась и больше уже не работала. Помню одну елку, которую там устраивали для детей сотрудников. Мне было 4 года, мы все три там были. На меня произвел впечатление длинный стол с белой скатертью и на нем стояли настольные лампы, высокие с шелковыми оранжевыми абажурами и нам дали по стакану компота и пирожному на блюдечке. Где-то у нас есть фотография этого события. Наташа с Ирой какие-то стихи там читали. *(Таня вторая справа, за ней Наташа и Ира).*

В нашем детстве у нас бывало много гостей, про маминых друзей потом. У бабушки И.Г. (бабы Ляли) было много друзей и родственников. Был дядя Володя, бывший Юрин учитель физики по фамилии Вибке, который жил в Лосинке, его дочь Люба и ее сын Андрей Вигилевы. Изредка мы их навещали

в их деревенском доме, там на чердаке иногда попадались занятные вещички, физ. приборы для школы. Люба приезжала к нам довольно часто и каждый раз спрашивала деда: Сереженька, а война будет? И дед ее успокаивал. Андрей был биолог и таксидермист. Работал в Зоомузее.

Ездил в Сибирь, привозил шкурки, продавал их и чучела делал, тоже на продажу. У меня в детстве была шапка и воротник из белого зайца, мама у него купила шкурки, а сшил сосед скорняк, очень была неудобная. Здесь на фото И.Г. с этой нервной Любой. Наверно, у неё муж на войне погиб.

У деда друзей как-то не было, а вот у бабы Ляли было много подруг и друзей детства и юности. Две Маргариты

подруги по пансиону. Маргарита Федоровна (Маргоша), в девичестве Кошке, у ее мамы была корсетная мастерская известная на всю Москву, на углу Арбата и Серебряного переулка. Она жила там же, только две комнаты осталось, занималась тем же, муж ее Шадрин Александр Константинович, чем он занимался не знаю, знаю что был большой любитель преферанса. Говорили, что много проигрывал. А когда-то отсидел по “шахтинскому делу”. Он считался крестным Наташи и дарил ей Пришвина на дни рожденья. У них было двое красивых детей Игорь и Марина, Игорь был несколько непутевый, а Марина работала в доме моделей и на киностудии, кем не знаю. Когда дед с бабкой собирались к ним в гости, бабушка говорила:

пойдем к Кошкам. Дед играл с Шадриным в шахматы.

Маргарита Владимировна была скрипачка, играла в оркестре Большого театра, в отличие от Маргоши (статной и красивой) была маленького роста, жила на улице Фрунзе. С нами она как-то мало общалась, была одинокая.

Вот это красивое семейство. Слева в нижнем углу “Константиныч”, над ним дочь и сын, внизу справа И.Г. и Маргоша. Стоит кто-то из приезжих французов, они же и снимали, у нас цветного фото не было. На фото справа (того же происхождения) Маргоша сидит в середине, а за ней Арнольд и Юлий Стурцели (о них ниже). Таня Стурцель, и мама, и мы. На ковре портрет генерала Куропаткина (вместо писателя Лажечникова).

Еще была очень душевная и хорошая тетя Тоня, Кондратьева. Про мужа ничего не знаю, сын Александр был географ или биолог. Он в детстве ходил в кружок юннатов при Зоопарке, там была какая-то история. Сидел,

долго работал и жил в Сибири, увлекался фотографией, у нас где-то есть несколько – пейзажи и звери. Сашка вернулся в Москву и жил с матерью и двумя детьми и с женой, болел, кажется, у него был туберкулез, жили очень бедно. Уже на эту квартиру она приезжала к бабушке и мама всегда старалась ее накормить обедом, она не доедала и говорила: можно это я домой возьму, старались что можно ей завернуть с собой. Очень ее жалко.

Он занимался клеточным разведением соболя. Правда, здесь в клетке лисички. Была у нас и его фотография

соболей, но не можем найти. А в молодости (и в благополучии, во время НЭПа) тётя Тоня была такая красавица, что за ней какой-то господин гнался по Арбату, всё набавляя цену - до тысячи (не знаю, по какому курсу). Муж после дразнил её: ах ты моя тыщищерублёвая! Н.Д.

Машинистки и секретарши ВИЮНа

Часто бывала Бобочка (Варвара), она была машинистка, в ВИЮНе они познакомились. *(Здесь она в верхнем ряду, вторая слева, рядом с И.Г.)*. Муж ее пропал где-то в лагерях. Добрая и хорошая была. С ней произошла типичная для того времени история, до войны или во время. Работала она тогда в журнале. Однажды её вызывает в кабинет главред, протягивает только что отпечатанный текст (наедине) и говорит: читайте. Она пробегает страницу... СРАЛИН. В обморок она не упала, но уже очутилась на Лубянке и на Колыме. - Возьмите, - говорит редактор, - уничтожьте все экземпляры с копирками и напечатайте заново.

Это не та машинка, но наверно такая же. Мы её купили через соседа у древней старушки, тоже переселённой с Арбата, которая работала чуть ещё не в Ленинском Политбюро. В клавиатуре не было Ъ, его вставил потом знаменитый на всю Москву, последний мастер, который чинил такие экземпляры. Он же, кажется, последний переехал с Арбата, из квартиры с перекошенным полом и без воды. Вынув нашу Mercedes из коробки, в которой мы с Катей еле её дотащили, он произнёс: “Чугун и сталь! Сталь и чугун!” - дескать, не то что нынешнее племя... Вот бы она могла рассказать свою историю... Н.Д.

Ирка у нее училась печатать вслепую, когда пошла работать корректором в Бауманский институт, в какой-то научный вестник, провалившись в пединститут, чему после очень радовалась.

Еще бывал друг детства Юлий Эрнестович Стурцель. Жил в Загорянке с женой и дочерью Татьяной, Ириной ровесницей. Когда дед с бабушкой к ним ездили, брали нас. Деревянный дом с садом, удивительная у них росла желтая малина. Кажется, преподавал английский где-то.

Я с ним занималась английским, когда наш класс перевели из 57 школы в 73. в 57 был французский, а там английский. Он еще давал уроки внуку тети Маргоши – Николеньке. Так он устраивал нам совместные спектакли на английском. Их было два брата Юлий и Арнольд (Ноля). Юлию повезло, а Нолю с женой сослали на Арал. Они

были немцы. Вернулись они где-то в 55-56 году. Тоже к нам приезжали, рассказывали, тяжело там было.

С Юляшей дед играл в шахматы, когда он к нам приезжал

Бывал в доме и дядя Женя, чей он был дядя неизвестно, чей-то дальний родственник, кажется, все же дедов. Маленький старичок, очень бодрый и энергичный и слегка сумасшедший. Он любил маму и даже однажды подарил ей облигацию 3% золотого займа, мы по ней ничего не выиграли, и в трудную минуту мама ее продала, и был он художник-любитель, писал маслом маленькие пейзажи, один тоже маме подарил, с книжку размером, где-то он у нас лежит до сих пор.

Когда собирались бабушкины подруги, то часто слышалось: ну ты Бежо завралась. Обращались друг другу девичьими фамилиями или как звали друг друга в пансионе. В пансионе бабушку научили вышивать и вязать, что она и делала виртуозно. Вязала покрывала и накидки из катушек, тонюсеньким крючком. Вышивала тончайшее ришелье, делала метки на белье – вышивала монограммы. После войны они с мамой на заказ вышивали батистовое белье розочками и платочки носовые обвязывали и вышивали. На спицах вязать не умела, и шить тоже. А мама умела все и нас обшивала, вернее, перешивала нам из взрослых вещей и вязала нам всем. И не только нам, но и на заказниц. Баба Ляля умела печь потрясающие пироги, маму научила, а мама меня, таких вкусных пирожков я нигде больше не пробовала. А я вот не сумела передать мастерство своим девицам, и Катя и Валя пекут вкусные, но не такие. А какие куличи бабка пекла, хотя и была католичка. Бабушка всегда очень волновалась, когда ставила куличи, подойдут или нет, пропекутся или нет. И почти всегда это сопровождалось квартирным скандалом, еще бы восемь хозяек на кухне, кто печет, а кто вредничает. Зачинщицей была Анна Марковна, исподтишка говорила какую-нибудь гадость Натке, а та была баба грубая и тут же начинала орать. Иногда они объединялись и нападали на легко возбудимую Марию Николаевну, и кончалось это тем, что баба Ляля прибегала в комнату, и дед ей капал валерьянку на кусочек сахара. Но куличи получались великолепные. Наша семья и Боковы в скандалах не принимали участия, только очень нервничали. Бабушка готовила обеды,

а мама ходила в магазин. Меню было однообразное, никаких новшеств в еду не вносилось, подозреваю, что она совсем не любила готовить. Дед всё просил ее приготовить хлебный пудинг с соусом сабайон, но она ни разу не приготовила, так что я не знаю что это такое, вроде очень простое. Жили дед и бабушка очень дружно и заботились друг о друге, кроме пудинга.

Существует семейная легенда о рукописи Александра Дюма, найденной в бабушкиных бумагах, но это если Наташа захочет поместить ее сюда.

Ну конечно, поместим всё, что есть. Для того приложение и затеяно!
Про Дюма сделаем “приложение к приложению”, там один текст, можно просто не читать. Это мы сочинили уже здесь, на Открытом шоссе. Н.Д.
 Но я хочу добавить немножко про родных и знакомых.

Там же, на М.-Э. д. 8, но в кв. 13, в самом конце коридора, в маленькой комнатушке жили две старухи - тётя Маша и её дочь Лиля. Не помним, чьи они, но какие-то родственницы. Обе немного не в себе. Тётя Маша во время войны, когда было совсем холодно, отказалась вылезать из постели. Так и не вылезала до самой смерти году в 60-м. Нищие они были абсолютно.

Мы и другие соседи относили т. М. в штопку чулки и бельишко, она это делала виртуозно. За копеечки или наверно даже еду. Один раз мама увидела, что она распускает на нитки образец чудесного вязаного кружева, принесла ей пару катушек и выменяла наследственный альбом образцов. Мы им долго пользовались, пока не появились журналы. Поскольку тётя Маша и Лиля наверно в ту же холодную зиму перестали мыться и стирать, а ещё держали кошку (облезлую, естественно), запах у них был понятно какой. Но люди тогда были не слишком нежные. Лиля кажется даже была замужем - один день или одну ночь, как говорили, и называли её “мадам Фриц”. Одно время работала лифтёршей, когда лифты запустили.

Это шуточки, а была одна чудесная соседка, скорее мама с ней дружила, Винокур Татьяна Владимировна, “Танечка Владимировна”. Она тоже жила с матерью. Во время войны умерла от туберкулеза её дочь Лена, говорят красавица необыкновенная, лет в 16. Т.В. пошла работать воспитательницей в детскую туберкулёзную больницу. Очень любила рассказывать о детях, о спектаклях, как они придумывали и делали декорации. Рассказывала, как богатым детям приносили кучу шоколадных конфет, а бедные за чаем смотрели им в рот и глодали сушку. Педагоги не имели права делить гостинцы на всех. Бывала она у нас часто, почти каждый вечер, они втроём садились и рукодельничали: Ирина Генриховна, Татьяна Владимировна и мама. Все три замечательные рукодельницы. Т.В., как и бабушка, воспитывалась в благородном пансионе. У неё была очень строгая мама, мы

её знали, Анна Михайловна. Бедная девушка, отправляясь домой на выходные дни или каникулы, точно знала, что там ждёт: неоконченное коклюшечное кружево на подушке и шпинат на обед. Именно потому, что она того и другого терпеть не могла. А так, что же - очень милая старушка. Только немного сдвинутая на чистоте.

Больница, где она работала в детском отделении, называлась в просторечии “6 верста”, по назв. станции. Многие коллеги Т.В. стали мамиными заказчицами, когда она начала всерьёз зарабатывать шитьём и вязаньем. А потом она была их пациенткой. Т.В. вышивала на заказ воротнички и манжетки, научилась вышивать на машине. А ещё она сама изобрела особый вид прикладного искусства. Она расписывала банки. Масляной краской, на лаке, тонкой кисточкой, букетами в медальонах, в китайском стиле, с золотой сеткой. А внутри банка покрывалась чёрной краской. Это было очень декоративно! Стоило -

трёхлитровая банка рублей пять, т.е. потом 50 коп. 2 кг хлеба примерно. Такую вазу она подарила как-то И.Г., дарила баночки поменьше, но всё постепенно разбилось. Остались на память только расписные стёкла в нашем “дорогом многоуважаемом”, который мы с Пятницким потом превратили в объект нового искусства с обратной стороны.

Да, на чём Таня остановилась?

А, про “хлебный пудинг с соусом сабайон”.

Посмотрела сейчас в Молоховец “Пудинг из белого хлеба. (Вареный в салфетке). Натереть на терке черствую французскую булку (без корки), влить в нее 1 с 1/4 стакана кипящего молока, размешать хорошенько, дать постоять с 1/2 часа. Потом положить 7 желтков, 1/2 стакана сахара, (кто хочет цедру лимонную, 1/4 стакана нашинкованного сладкого миндаля), 3/4 стакана изюма, 1 ложку масла и наконец 7 взбитых белков; намазать салфетку 1/2 ложкою масла, поступить далее, как сказано в примечании. Варить почти 1 час, облить сабайоном №358.

Ни фиги себе! Это и много позже сказали бы - студно туково! И вообще - мягкое, сладкое и сырое, а мы любим с поджаристой корочкой. Вообще пудинги - это не наше национальное. Но может кто захочет проверить - соус: 6 желтков, 6 кусков истолченного сахара тереть до бела, взять 1/2 стакана мадеры и 1/2 стакана воды, размешать, положить 1-2 ломтика лимона без зерен, поставить на плиту, бить венчиком не переставая сперва на малом огне, а когда начнет сабайон подниматься, поставить кастрюльку... ну и т.д.

«ЛУЧШЕ В ВОЛГЕ
БЫТЬ УТОПИКОМУ,
ЧЕМ НА СВЕТЕ ЖИТЬ
НЕЛЮБИМОМУ.»

Вот! А теперь мы наконец обратимся к тому, ради чего начали это ПРИЛОЖЕНИЕ - к творчеству Валентины Витальевны Герн-Поповой, нашей бабы Вали.

Она была воспитательницей по профессии, почти неизбежной после революции для образованных женщин без специального образования. И всё-таки это был главный смысл её жизни. Очень может быть, «ей жить бы хотелось иначе»... но будь она, как ей и подобало, дамой - она бы так же творчески растила своих троих, а после нас.

В Твери у В.В. было общество интеллектуально-поэтическое, наверно она писала и рисовала «всерьёз», но ничего из этого не сохранилось, разве что два стишка из дачного конкурса на тему «дождь и грусть» и пара лёгких акварелек. Очень может быть, сама уничтожила. А сказки и стихи с картинками берегла и перерисовывала, когда совсем истреплются. Вот первая сказка - имя Уч получилось из недоговорённого «У чёрт...» потому что дети были воспитанные.

Уч. (сказка)

Жил-был Уч. Это был великан. Ноги у него были длинные и тонкие. Руки тоже очень длинные. А головка маленькая-маленькая. Пожалуй не больше апельсина. Какой он был будет нарисовано на следующей странице.

Говорил он на своем учском языке. Но дети его прекрасно понимали. Когда он топал ногой и кричал:

«Уч!» все знали что это значит «Берегись». Когда говорил: «Кави» это значило: «Гадость», «тип» означало: «тихо», «топ» — «громко» и так далее.

Где жил Уч, никто не знал. Приходил он неожиданно и заглядывал в окно.

Если дети ссорились, он страшным голосом кричал: «Уч!» и уходил проч.

Если дети занимались своими делами или дружно играли, Уч улыбался и улыбками тихо скатывалась по бороде, по пуговкам пиджака, сворачивала в конце пути немного в сторону и попадала в карман.

Когда оба кармана переполнялись улыбками, Уч шел домой и бережно перекладывал их в большой чемодан. Там они лежали, а Уч ви-

УЧ БЕРЕЖНО ПЕРЕКЛАДЫВАЛ
ИХ В ЧЕМОДАН.

МАТЕЛЬНО СЛЕДИЛ ЗА КАЛЕНДАРЕМ.
Если приходило чье-нибудь рождение,
Уч открывал чемодан
и рылся в улыбках и искал ту
улыбку, которую он получил от
рожденика или рожденицы.

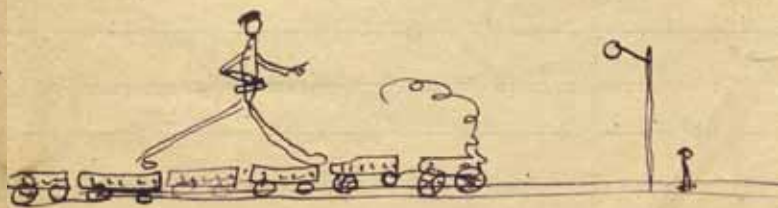
Улыбки были разные: большие
и маленькие, легкие и тяжелые,
голубые, розовые, зеленые, оранже-
вые, красные и много других.

Если улыбки не находилось,

Уч сердито закрывал чемодан, ложился
на кровать и так громко охал
и сморкался, что во всех соседних
домах дети испуганно прислушива-
лись и спрашивали: "Что это?"

Но когда Уч находил в чемодане
нужную улыбку, он быстро одевался,
брал свой толстый кошелёк и больши-
ми шагами отправлялся в Москву.

Он перегонял самые скорые поезда
и никогда не раздвигал с подар-
ком к тем детям, которые
умеют дружно играть и занимать-
ся своим делом не надоедая
папе и маме.

Ещё досталось нам сокровище
тверского периода. Друг семьи,
Н.О. Широкий, заведовал городской
библиотекой. Там происходило в это
время масштабное очищение фондов
от дореволюционной литературы.
Выбрасывали журналы "Нива" и
прочие, какие уж там были. Он их
уносил и со знакомыми делился.
Бабушка вырезала картинки и клеила
в альбомы из толстой серой бумаги. В
журналах репродуцировали картины
известных художников, с выставок
и салонов, что тогдашней публике
нравилось. Иногда отличного качества,
в виде гравюр. "Дафнис и Хлоя",
"Ифигения", "Саламбо", "Последний
Валуа" и прочие римляне эпохи упадка.

Русская история. Прибытие Варягов в русскую землю. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Филдеса.

Умилные детки с собачками и без.
Жанры и пейзажи. Виньетки и заставки.
Альбомы сохранились и много-много
радости детишкам принесли. Сейчас
интересно вспомнить, чем утешался
обыватель, когда не то что пост-
импрессионисты, но и Пикассо был...

Лиса - Воспитательница. (сказка)

Состарилась Лиса. Вылезли волосы,
нож притупился, зубы выпали.

Некрасивая стала. Старый Лис
женился на молоденькой лисичке.

Детки разбежались по лесу поискать
пищи. Одна лиса осталась.

Невесело ей.

Побрела Лиса по лесу, думает
с кемнибудь душу отвести, на
старость свою пожаловаться.

Вдруг навстречу ей старая
Зайчиха. Хотела Лиса в кусты
спрятаться: много зла она
Зайчихе сделала раньше.

Но Зайчиха не узнала в
облезлой, несчастной кивалке
своего бывшего врага - рыжую
красавицу Леся. Ласково спросила:
- Куда это, соседка?"

Лиса несмело вышла из-за
кустов, но увидев, что Зайчиха
ее не узнала, раскрасилась.

- Да вот, пошла на работу на-
ниматься. Уборщицей бы в школу,
или к вешалке, очень уж я деток
люблю "...

- Трудно тебе будет в школе - то,
шуму много "

- Да и то правда" - ответила
Лиса. Она вовсе и не думала

что ее примут куда-нибудь и
сказала просто, что бы поддержать
разговор. Но Зайчиха увидев, что
Лиса беззубая стала и не опасая
для ее деток, надумала пригласить
ее в домашние учительницы.

- Что я тебе, соседка, скажу:
у тебя верно времени свободного
довольно, а я совсем ног сбавила -
выбрали старшим бригадиром на
огороде, да еще в вечернюю школу
рабочей молодежи записалась. А
ребята совсем избаловались.

Вот кабы ты взялась их поучить
кое-чему, присмотрела бы за ними!
А я уж тебя отблагодарю."

Подумала Лиса и согласилась.

Вот теперь — думает, и скучать не буду и едой обеспечена".

Договорились: спать Лиса будет за ширмой в детской комнате, завтрак и обед с детьми — творог, манная каша, пюре из овощей, блинчики с вареньем, вареники — пища беззубой Лисе — лучше не надо. А детей и по порядку приучать. Гигиена, там, санитария, режим питания и прогулок, и уроки что бы во время учили, ну, и манеры хорошие обязательно — не какиенибудь беспризорники ее зайчата — мать старший бригадир, а отец на агронома заочно

учится.

— Не беспокойтесь, соседка, уже обижаться не будете! Своих штук двадцать воспитала — люди не кажутся; что умники, что воспитаннее, деликатнее! Ничего таких не много найдете!

Сбежала Лиса за пожитками. Небольшой узелок всего. И поселилась за ширмой.

На другой день за завтраком и познакомилась с своими воспитанниками. Зайчиха, еще затемно, на работу ушла и зайчата не спешили вылезать из своих кроваток.

Но Лиса не растерялась.

Она пошла на кухню, посмотрела обильный завтрак оставленный зайчихой, постучала сковородкой о сковородку и сказала в дверь детской:

— Первый звонок. Вставать.

Второй звонок — Умываться.

Третий — садиться за стол.

Кто опоздает, не получит еду до обеда". Голос Лисы был тихий, но тон не допускал возражений. Семеро зайчишек поглядели из под одеял друг на друга и вдруг весело вскочили и стали одеваться с любопытством поглядывая на дверь кухни.

Только они успели одеть халатики, как сковородка постучала дважды. Схватив мыло и порошок, зайчата толпой бросились в ванную.

— Сначала маленькие, — сказала Лиса — старшие следите что бы все почистили зубы и помыли уши и шею."

Малыши выстроились по росту и быстро помылись. Пока они снимали халатики и одевали костюмчики, старшие помылись и поправили постельки.

Сковородка постучала три раза.

Зайчата уселись за стол и начали хватать кто, что хотел, как всегда.

— Уберите лапки! Сидите тихо!

Лиса сказала это медленно и

тихо. Зайчатики переглянулись и затихли.

— Ну вот и хорошо. Послушайте, что я скажу. И запомните. За столом надо сидеть тихо. Кушать надо все без капризов. Тянуться через стол нельзя. Надо просить старших передать. Говорить только, когда старшие с вами говорят, самим в разговор старших не вмешиваться и не перебивать. Запомнили?

Пока довольно. Кушайте.

Лобастик, передай картофель Пушку! Усатик, возьми салфеточку! Носатик, помажь малышу хлеб! Ушастик, не клади локти на стол! Довдайте все. Усатик, больше не хочешь? — Отодвинь тарелочку от края!

Не выходи из за стола раньше других. Молоко надо выпить, "

Лиса успевала все заметить и в тоже время ела с таким аппетитом, что зайтата только глаза раскрывала и начинала опасаться как бы не остаться самим без завтрака. Ушастик с Лобастиком вдруг тоже почувствовали прилив аппетита и попросили прибавить и картофельного пюре с поджаренной морковкой и блинчиков со сметаной.

Пушок уже давно нетерпеливо крутился на стуле, но выйти не решался. Потом он как то грустно затаил и сидел не шевелясь до конца завтрака.

Наконец все насытились и отоодвинули тарелочки.

— Можете выходить! — сказала Лиса. Носатик и Усатик сегодня моют посуду. Остальные идите в сад

и поиграйте там пока мы справимся. А потом пойдем в лес за грибами. Лето скоро кончится и все, кроме Котерыжки и Малыша, пойдете в школу.

Услышав о прогулке, Зайчата весело зашумели и побежали в сад покачаться на качели, а старшие упражнялись на гимнастических приборах.

Носатик и Усатик быстро справились с посудой, а Лиса в это время наготовила массу бутербродов, набрала блинчиков, молока, намыла витаминной морковки и сложила в корзинку и закрыла чистым полотенцем.

— А где Пушок? Лиса заглянула в столовую. Пушок все еще сидел на стуле грустный и смущенный.

— Что с тобой, Пушок?

— Штанишки... пролепетал Пушок, вы не позволили... надо другое...

— Ах ты, бедняжка, ласково сказала Лиса. Об этом надо думать прежде чем садиться за стол! — и взяв Пушка за руку повела его в ванную.

Наконец все было готово.

С веселым шумом помчались все на мостик через речку и в лес. Теперь уже Лиса их не останавливала и только сказала старшим что бы не пускали малышей далеко и подождали всех на лужайке.

Маленькая Котерыжка и толстый Пушок плелись рядом с Лисой уцепившись за корзинку Котерыжки а Пушок за хвост. Малыша Лиса посадила себе на закорки и он радвался больше всех.

Чего только не проделывали они в лесу!

И БЕГАЛИ НА ПЕРЕГОНКИ, и ПРЯТАЛИСЬ В ТРАВЕ, и играли в казаки-разбойники, и лежали на солнышке задремывая, и купались в маленьком ручейке! Грибов набрали полную корзину, когда после купанья освободили ее от бутербродов и блинчиков.

А бидон из под молока вымыли в ручейке и набрали полный черники. Губы у всех были черные. Малыш измазал даже ушки.

Кочерыжка, утомившись, спала в высокой, душистой траве. Пшеница рядом с ней лежала и смотрела как бегут в траве муравьи и еще какие-то козявки.

Лиса тоже блаженствовала раскинув свой облезлый хвост и начала искренно любить своих веселых воспитанников.

— Их не трудно будет воспитывать

Вдруг малыши. — Опять пойдем?

— Да. Если будете себя хорошо вести.

— Бу-у-у-дем! — протянули все хором.

Ничего и говорить, что все зайчата старались вести себя как можно лучше и Лисе не приходилось делать замечания по два раза.

Зайчиха, проходя вечером с работы, не нарадовалась на своих послушных, внимательных, дисциплинированных детишек.

— Спасибо тебе! — говорила она Лисе — теперь не совестно и соседей к себе пригласить. И уж как это ты их обуздывала, ведь сладу с ними не было.

— Очень просто таких умных и

думала она. — Умные, веселые, добрые, они просто разболтались без надзора, это часто бывает, где мать работает и нет близкого человека научить их. Но я воспитаю их так что не стыдно будет с ними в люди показаться.

Так мечтала старая Лиса, а вокруг нее уже собирались утомившиеся беготней, зайчата.

Начались разговоры. Лиса хорошо знала лес и ей было чего порассказать. Зайчата и уши развесили. И про птиц, и про зверей, и про змей, и про ежей — всего наслушались, а домой идти все не хотелось.

— Пора, дети, сказала наконец Лиса — на сегодня довольно.

— Ах как сегодня было хорошо! — сказал Ушастик.

— Да, да, да! — закричали

хороших детей воспитывать — сказала Лиса. — Надо только чтобы они знали, что можно и чего нельзя, но уже нельзя, так — нельзя.

И тихо, внимательно, но категорически этого добиваться.

— Да где же ты, соседка, всему научилась так? — воскликнула, всплеснув руками, Зайчиха — и слова то какие говоришь, как по книге печатаешь!

Лиса хитро улыбнулась.

— А, это я еще у своей бабушки в сундуке нашла тетрадку с записями. Там рецепты разные, и медицинские советы, и как за цветами ухаживать, и как мушкетерам нравиться, и как детей воспитывать, очень тетрадка интересная! Да вот, дала почитать

ОДНОЙ МОЛОДОЙ ЛИСЕ ПОЧИТАТЬ,
А ОНА ПРОЧИТАЛА, ДА МОЕГО СТАРОГО
ЛИСА И СБЛАЗНИЛА — ГРУСТНО ДОБА-
ВИЛА ЛИСА.

— ДА НЕУЖЕЛИ ЖЕ ТАКИЕ КНИЖКИ
ЕСТЬ КАК МУЖЕЙ ОТБИВАТЬ! —
ЗАЙЧИХА ДАЖЕ ЛАПУ К СЕРДЦУ
ПРИЖАЛА В ТРЕВОГЕ. — НЕТ, УЖЕ
ТЫ СЮДА ТАКОЙ КНИГКИ НЕ ПРИКОСИ!

ВЕЧЕРОМ ЛИСА ПОДАЛЬШЕ ПОД
МАТРАС ЗАСУНУЛА СВОЙ УЗЕЛОК, ГДЕ
ХРАНИЛАСЬ БАБУШКИНА ТЕТРАДКА —
ЕДИНСТВЕННЫЙ ИСТОЧНИК ЕЕ ОБРА-
ЗОУЩЕСТИ.

ЗАЙЧАТА ТИХО СПАЛИ ДОВОЛЬНОЕ
И СПОКОЙНОЕ.

И ЛИСА РАДОВАЛАСЬ, ЧТО ЕЩЕ
МНОГО ЕЙ ВПЕРЕДИ РАБОТЫ, МНОГОМУ
ЕЩЕ КАДО НАУЧИТЬ ЗАЙЧАТ, НО В БАБУШ-
КИНОЙ ТЕТРАДКЕ БЫЛИ ОТВЕТЫ
НА ВСЕ ВОПРОСЫ.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ).

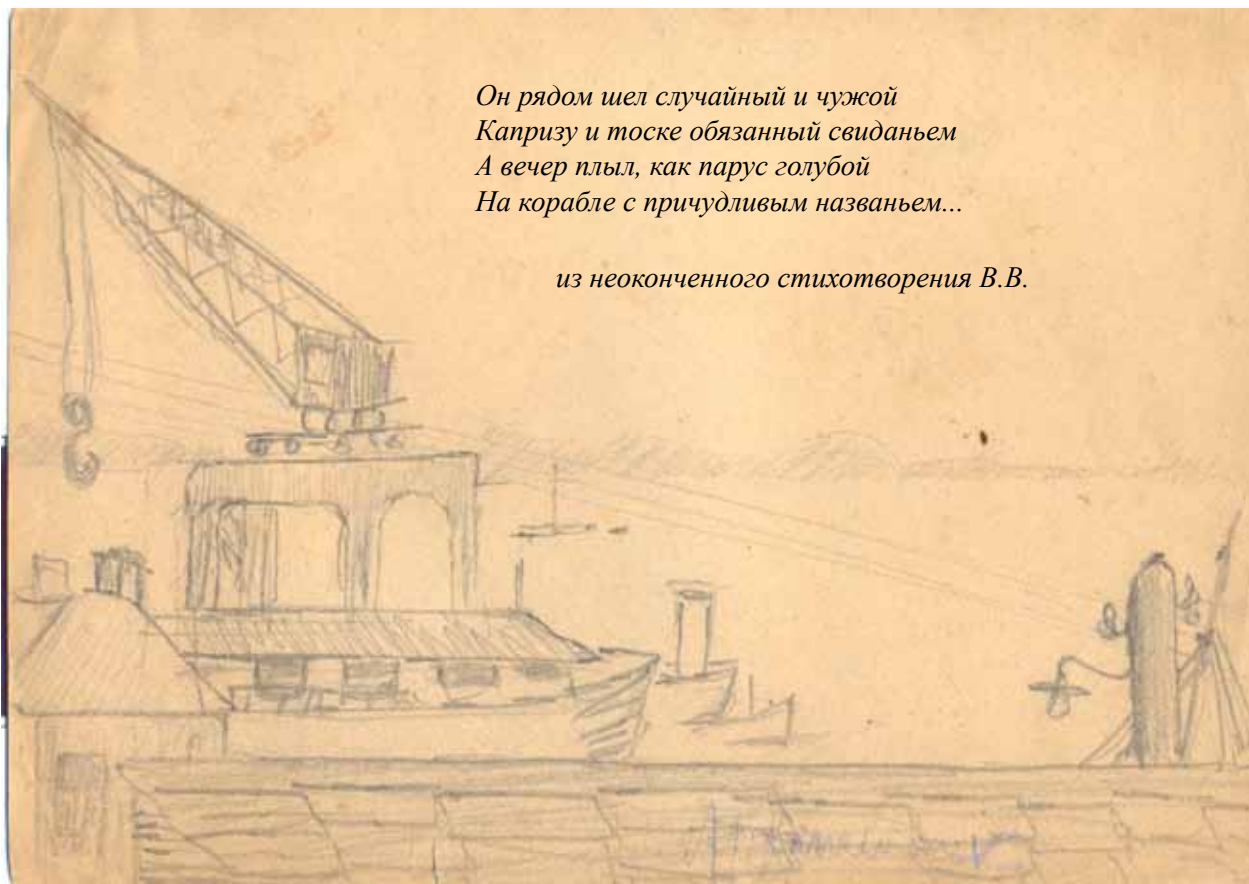
Это написано в Твери. Красиво: Волга, пароходы... Открытка того же времени, после их отъезда пишет им Н.О. Широкий, друг семьи, о своей семье и как без них грустно.

Забавно, что В.В. для себя выбирает роль лисы, как и в следующей сказке. Ценила она в себе некоторое лукавство. Воспитателю без этого как?

Он рядом шел случайный и чужой
Капризу и тоске обаянный свиданьем
А вечер плыл, как парус голубой
На корабле с причудливым названьем...

из неоконченного стихотворения В.В.

Про лису.

Во дремучем во лесу
Повстречал медведь лису,
"Ты куда, лиса, идешь?
Куда курочку несешь?"

А лиса ему в ответ:
"Я домой несу обед
Чтобы деток накормить,
Чтобы гостя угостить."

Дома детки маму ждут
И встречать ее бегут
Если мама не обманет,
Шоколадка есть в кармане.

Вот лиса бежит назад,
Вот скрывает пакетики слад,
"Мама! где же шоколад?"
- Шоколад я не купила
- Дома деньги позабыла

Вы почистите курочку,
А я сбегаю в лавочку
За сырком и конфеткой
И сейчас вернусь домой

Вот лиса бежит опять,
Стала примус зажигать
Тут к лисе приходит гость
Шубу вешает на гвоздь.

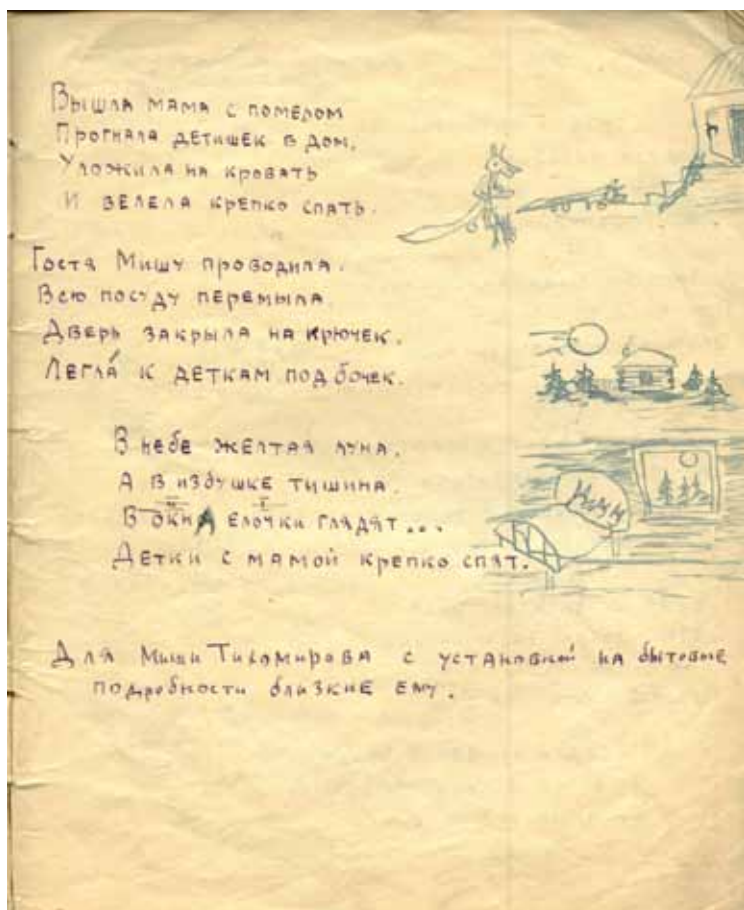
Оказалось это Миша
Послать немного вышел.
Миша деткам очень рад
Всем им дарит шоколад.

Жарит курочку лиса,
Убежали детки в сад,
Убежали детки в сад
Стали кушать шоколад.

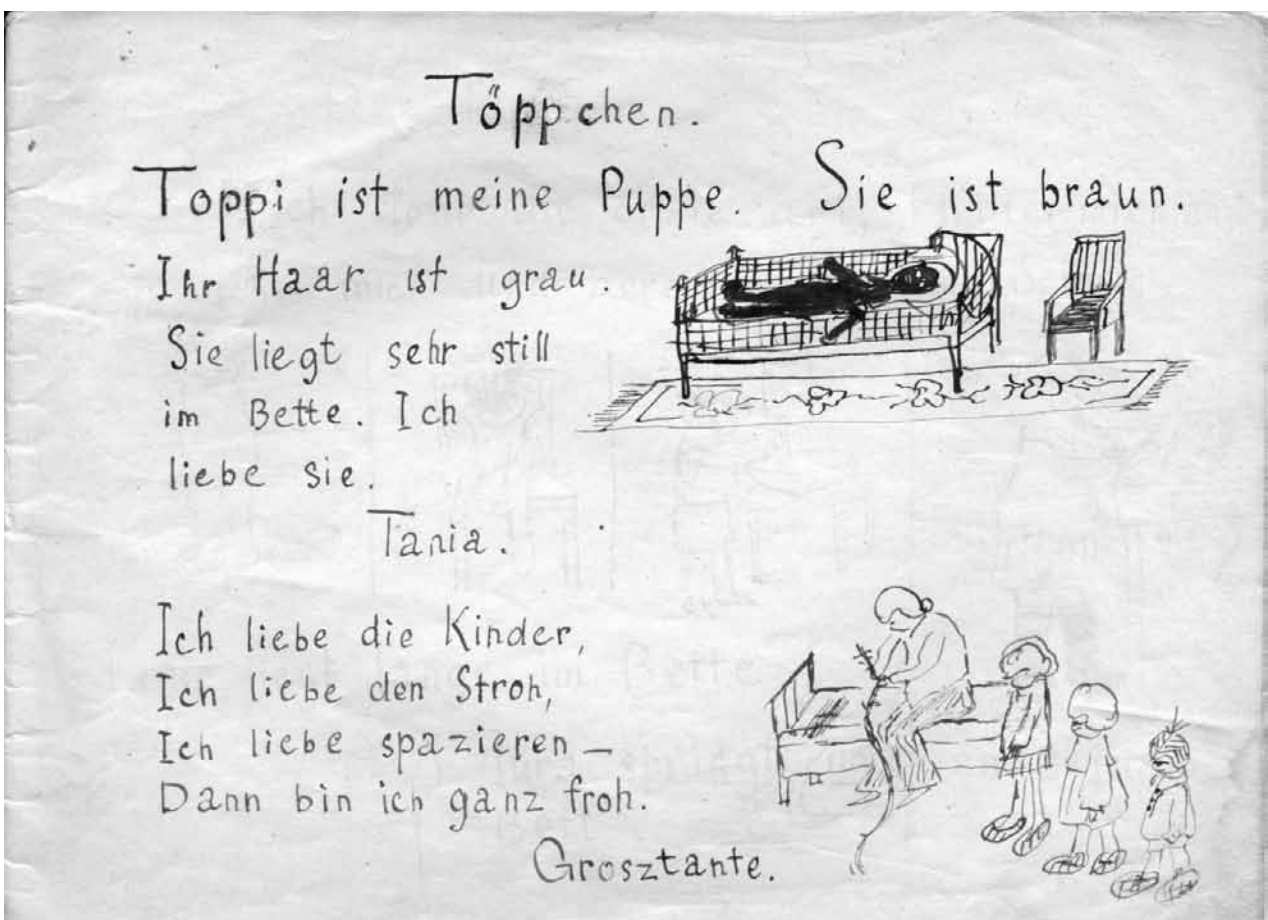
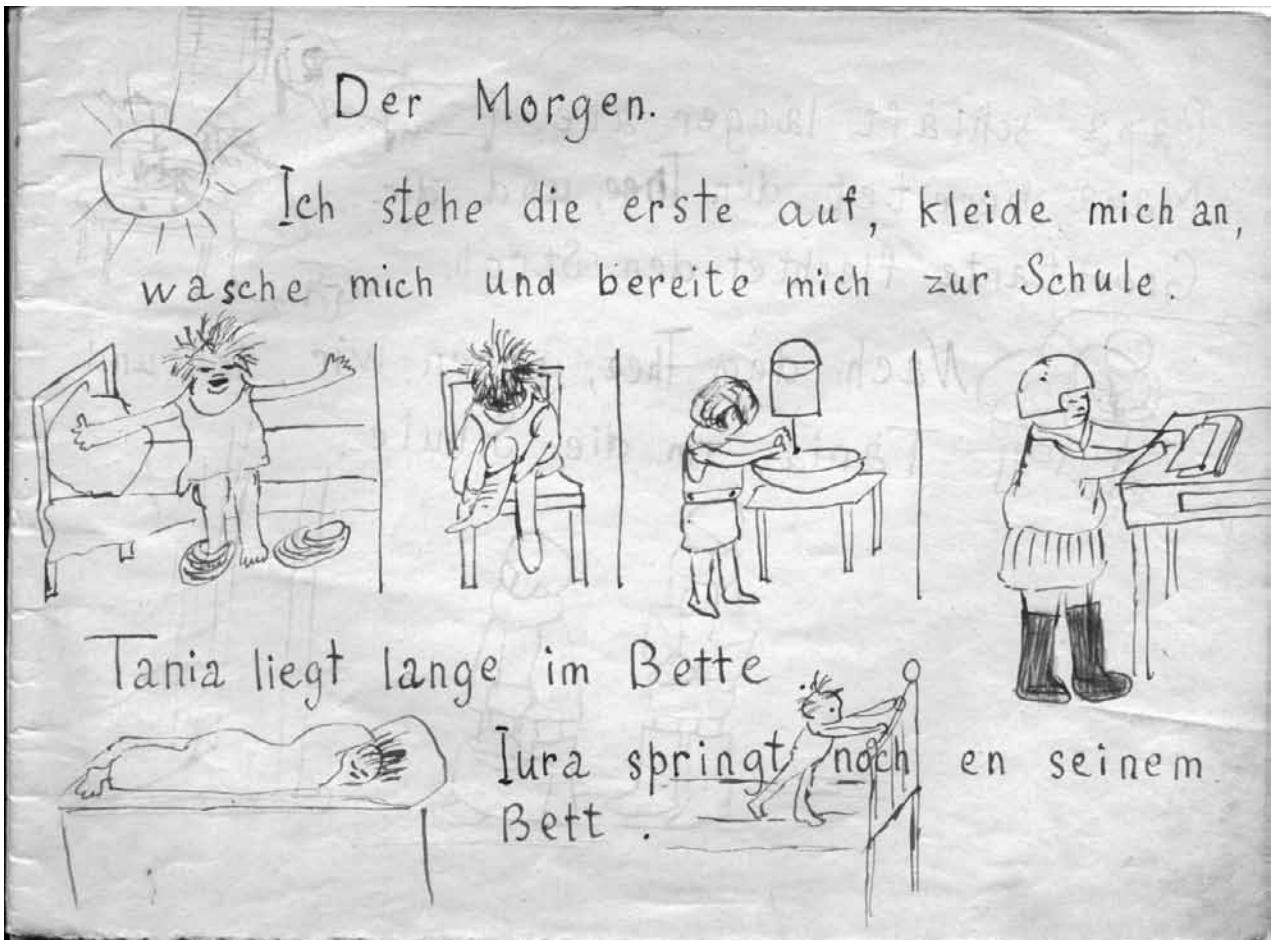
А когда обедать сели
Ничего совсем не ели,
Но зато покушал Миша,
На крылечко после вышел.

На ступеньку Миша сел
Громко песенку запел,
Лисенята прибежали
С Мишей в прятки играли.

Уютная домашняя сказка, но с намёком на что-то нам неизвестное (мама конечно помнила, а может и Юра помнит - спросим). И самодельное учебное пособие. Занятно, мы ни разу не поинтересовались, какой же язык бабушка учила? В школе в Твери был ... нет, надо всё же спросить. Целиком книжку приводить не буду, есть интереснее. А кукла-негритьёнок у нас тоже была, наверно так полагалось в каждой семье, все плакали над Бичер-Стоу. Наша негритянка и называлась - Топси (у них - Топпи).

Одна из загадок нашей жизни. Эту книжку В.В. очевидно скопировала. Тогда выходили маленькими тиражами прелестные детские книжки, как правило

в виде тоненьких альбомчиков. Их создавали порой замечательные авторы, писатели, поэты, художники, иногда классики, иногда пока нет, но очень

талантливые “в рассуждении чего бы поесть”. Можно прочесть в Дневниках Чуковского. Кое-что у нас сохранилось. Есть уникальная книжечка, целиком

сделанная Лебедевым на литографском камне, вместе с текстом. У некоторых сохранились обложки с выходными данными, у других нет, и ничего мы про

авторов узнать не можем. Нет ещё в Яндексе такой услуги, чтобы поместить картинку с запросом: “Что это?” Вот и не знаем.

Кажется, есть (был во всяком случае) Музей Детской Книги (даже именно советской). Но не расстарались в своё время, и ладно. Вдруг

кто-нибудь заглянет, узнает и напишет. И вообще не принципиально.

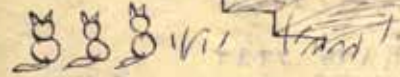
СЧИТАЛКА.

У ДЕТЕЙ ИДЕТ ВЕСЕЛЬЕ:
Много БУДЕТ здесь картин.
Мальчик ссорится со всеми
И пускай сидит один.

У ПЕНЬКА РАСТЕТ ТРАВА
А в траве грибочка ДВА.
А у ТАТЫ ручки ДВЕ
Ищут ЯГОДКИ в траве.

Вот как дружно посмотри,
На крыльце собачки Три
Дружно рядышком сидят
И глядят на трех котят.

Ничего, что нас ЧЕТИРЕ -
Развернемте круг пошире.

У Серой утки ПЯТЬ утят
Бегут за мамой все подряд.

И в речке плавают все ПЯТЬ -
Никто не хочет вылезать.

Будем яблоки считать.

Раз, два, три, четыре, пять,

А последним будет шесть.

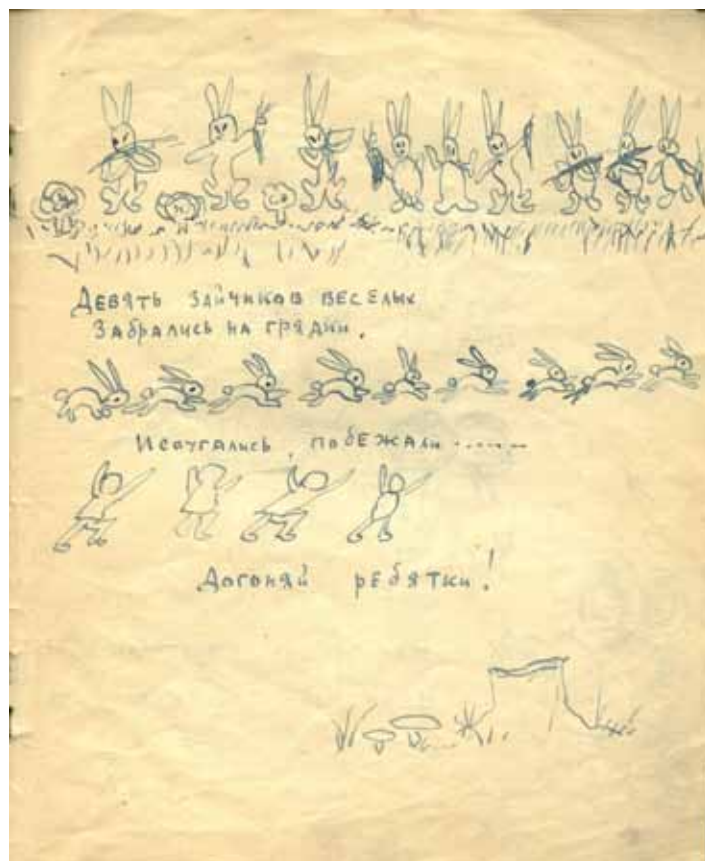
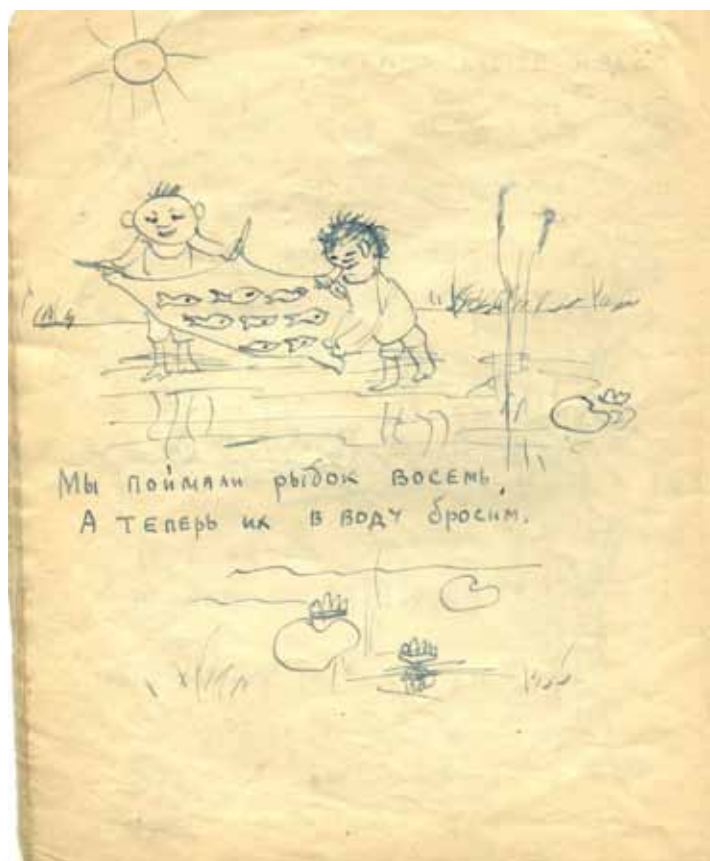
Ну, теперь их можно есть!

Сколько здесь детишек?
Семь,
По конфетке хватит всем.

Ну, слезайте поскорей,
Есть конфетки для детей!

Считалки переписывались не один раз, с некоторыми изменениями, в Твери, наверно, сначала для своих детей, потом для пациентов в Лосинке, и для знакомых с детьми и внуками, и для нас. Есть совсем стёртые, неразличимые стишки на оборотах посторонних бумаг, для детей умственно отсталых, чтобы учить с голоса - на тему близкое-далёкое, большое-маленькое, горячее-холодное. А вот тоже записи на клочках.

РАЗГОВОРЫ

Разговоры в больнице. Диагноз. 1. Категорически: «Человек происходит от обезьяны» (Заявляет встрепанная женщина, являющаяся неопровержимым доказательством высказанного положения).

ПРО КОТКА.

Жил да был однажды котик
За помойкой на дворе
Шмыгал быстро в подворотню —
«Не попасть бы детворе!»

Раз попался: стали тискать,
Целовали прямо в нос
И к себе тянули киску
(«Кто за лапки, кто за хвост»)

Мама кошка мыла спинку,
Лапки, хвостик и живот.
Целовала свою сынку —
Провожала до ворот.

Берегись большой собаки,
Близко к рельсам не ходи,
Не кидайся, детка, в драку,
Под авто не попади.
И сынок, хвостом махая
На прощанье, в ворот
Тихо ждал, когда трамвай
Уберет за поворот.

2. Скептически: «А вот в Индии обезьяны стадами ходят, что же они ни одного человека не родили» (- Женщина в очках, читающая в газетах статьи по сельскому хоз.)
3. Тихо, но уверенно: «А я вот всю Библию прочитала, ничего там про обезьян не сказано» (маленькая женщина, имеющая ученых детей).

Рассказ Нины.

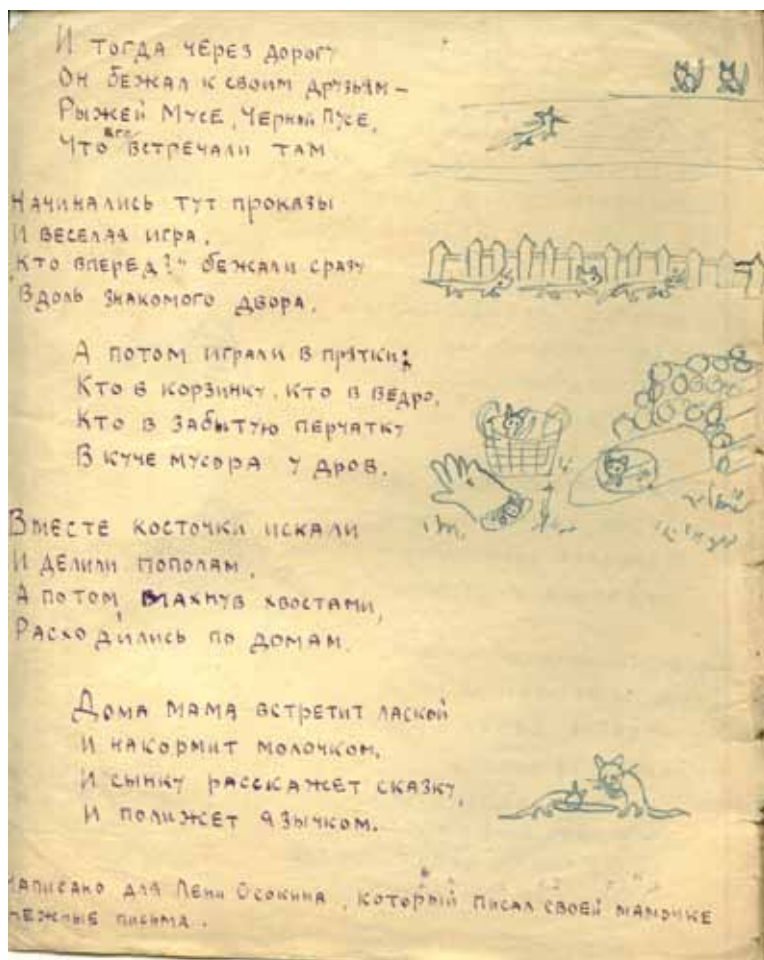
Я ведь очень жадная. Привезли плащи, я подвязала живот покрепче и пошла. Хорошо соседка попала, говорит мне не надо, а то кричи через головы что после операции. Купила. Мужик вечером ругал «все тебе надо!» а всеж таки

плащ лежит. Я ведь много алиментов на девочку получаю 500 р. Я еще больше с него содрала, у меня двое осталось, а мальчик то помер, а я ему 3 года не писала и по 700 и 800 р. получала, он на севере работал, двойная плата. А потом кто-то ему написал, теперь 500 р. получаю.

Разговоры у портнихи:

«Значит поЛы придется ампутировать...»

Разговоры наверно в Лосинке, когда В.В. работала судомойкой. А котик - в Твери, конечно: там трамвай.

Кажется, на этом я остановлюсь. Всё равно придётся делать вторую часть с картинками, не считая приложения про Дюма. Очень много всего занятного. И обстоятельства времени и места. А напоследок - из тех же альбомчиков... это кто-то у нас так любил детей?..

